

Дмитрий Рябов

г. Новосибирск

Почему троллейбус грустный? Потому,
что он с рогами.
Вот бы вам рога наставить, посмотрел бы
я на вас!
И салон его промерзлый, словно душу
сапогами,
Беззастенчивые люди топчут каждый
божий час.

Ты же знаешь, вечерами между нами
Дует ветер, вызывающий цунами.
Я иду к тебе, обдутый этим ветром,
Я практически ползу по сантиметрам,
Я ужасно пунктуален временами,
И приду между вторым и третьим снами.

Я иду к тебе, почти теряя разум,
Приближаюсь я буквально с каждым часом.
Ты не ждешь меня, сидишь в горячей ванне,
Или нервно растянувшись на диване,
Ты звонишь своей давно уставшей маме
И ругаешь всех, особенно цунами.

Я давно уже чугунными шагами
Миновал публичный дом в Иокогаме,
Ты твердишь себе с закрытыми глазами,
Что любовь не измеряется часами.
Если кто и ошибется именами –
Все цунами, исключительно цунами.

Я стою на остановке и в раздумиях колеблюсь,
Ведь стоять у ресторана я хочу, но не могу.
И тот самый, бывший синий, подошел
ко мне троллейбус –
Очень грустный был троллейбус, весь
в рекламе и в снегу.

Ты не плачь, троллейбус, братец! Я тебя
покрашу краше,
Отключу тебя от фазы, катафоты подарю
И поедем мы с тобою!.. мы с тобой
помчимся даже
И отчаянно ворвемся прямо в снежную
зарю!

Не прислоняйтесь к девушкам в метро –
Уж так они устроены хитро,
Что чье-нибудь упругое бедро,
Прижавшееся к вам как бы случайно,
Вам сделает пронзительно-печально.

Не верьте никому, кроме газет –
От их вранья вреда большого нет;
И увидав знакомый силуэт,
Не дергайтесь!.. подумайте спокойно,
Что вас она, конечно, недостойна...

Поймите – в парке позднью порой
Любой дурак по-своему герой,
Поэтому не ставьте на ребро
Вопрос о том, что счастье быстротечно –
Все это скучно, потому что вечно.

И мы, наверно, вовсе не умрем,
Когда вдруг неожиданно пойдем,

Как хорошо с приятелем вдвоем
Сидеть и пить простой шотландский виски –
Как пел когда-то Александр Вертинский.

Дрянная осень... темнеет рано,
Светает поздно, и дождь – в середине.
Покоя нет ни в углу дивана,
Ни в интернете, ни в рюмке водки.

Какая мерзость... светает поздно,
Но не от солнца, а как-то в общем,
И стыдно как-то скорбеть серьезно
По сжатым нивам и голым рощам.

Дрянная осень... Какая мерзость...
Какой багрянец? Какая просинь?
Пойдешь в дубраву – придешь на местность,
Какая мерзость... Дрянная осень...

Конечно, Пушкин... Да-да, Есенин...
И к ним примкнувший Иосиф Бродский...
Но безутешно в саду осеннем,
И неуютен балкон господский.

Эй, Сенька, водки единым духом!
Закусим текстом, сырым и пресным,
А где-то – юность румяным ухом
Охотно внемлет унылым песням.

...Потому что в России дороги
Непригодны к хождению ног,
Перебиты-поломаны ноги
В результате всех этих дорог.

Километров прошел я без счета,
Испытал все и взад и вперед,
Но все время я чувствовал – чё-то
Мне нормально идти не дает.

И я странствовать стал аккуратнo,
Пристрастился к плохому вину;
В день пройду метров двести – и ладно!
Лягу – и прозреваю страну.

Но куда бы ни кинул я взором
В те моменты, когда прозревал,
Всюду видел я быт, о котором
Без прозрения подозревал:

Бабы пьяные, дети босые,
Мужики обсуждают закон...
...Шибко пахнет махоркой в России,
Сизой дымкою стелется стон.

Этот стон у нас песней зовется –
От Москвы и до станции Чик
Черный ворон все вьется и вьется,
Да никак не замерзнет ямщик.

Душевная губная дисгармония

Ты губа и я губа,
Обе мы в помаде –
Ох, нелегкая судьба
Быть губами Нади...

Мы целуем все подряд,
Нас кусают дядьки –
Правду люди говорят:
Нет ума у Надьки.

Всем издалека видна
Недалекость мысли –
Ненасытная она
В непотребном смысле!

Хватит нас макать в портвейн
Перед шуры-муры!
Надька – дура, но у ней
Две губы не дуры.

Отмереть бы, да нельзя,
Мы же знаем обе:
Остальная Надька вся
Вылитая зомби.

Надьку с нами-то и то
Лаской не балуют.
Надька – кто? Она – никто!
Все же нас целуют...

Ладно, что там говорить,
Орган мы не гордый,
Вот и продолжаем жить
С Надькиною мордой.